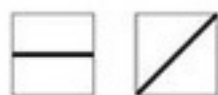

*Библиотека
свободы*

INLIBERTY

Рональд Коуз
Нин Ван
**Как Китай
стал
капиталисти-
ческим**

Библиотека свободы

Рональд Коуз

**Как Китай стал
капиталистическим**

«Новое издательство»

2013

УДК 338.24.021.8
ББК 65.9(5Кит)

Коуз Р.

Как Китай стал капиталистическим / Р. Коуз — «Новое
издательство», 2013 — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-204-3

За четыре десятилетия после смерти «великого кормчего» Мао Цзэдуна Китай превратился в собственную противоположность – отсталая и замкнутая аграрная страна с тоталитарной диктатурой стала одной из самых открытых и быстрорастущих индустриальных экономик мира. Как это произошло? «Как Китай стал капиталистическим» – это краткий очерк демонтажа китайского тоталитаризма, написанный автором главных экономических открытий XX века, лауреатом Нобелевской премии Рональдом Коузом. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 338.24.021.8

ББК 65.9(5Кит)

ISBN 978-5-98379-204-3

© Коуз Р., 2013

© Новое издательство, 2013

Содержание

Благодарности	7
Предисловие	8
Глава 1	10
1	12
2	16
3	18
4	21
5	24
6	28
Глава 2	31
1	32
2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рональд Коуз, Нин Ван

Как Китай стал капиталистическим

© Palgrave Macmillan, 2013

© Новое издательство, 2016

* * *

Административное деление КНР

Административное деление КНР (С особыми экономическими зонами)

Благодарности

Прежде всего мы хотели бы выразить благодарность Стивену Литлчайлду и Филиппу Буту из Института экономических проблем, которые с самого начала поддерживали наше совместное начинание.

Мы приступили к работе над этой книгой сразу же после Конференции по рыночным преобразованиям в Китае, проходившей в Чикаго 14–18 июля 2008 года. Когда черновой вариант был готов, в Чикаго прошел Семинар по отраслевой структуре производства (19–23 июля 2010 года). Мы многое узнали от участников конференции и семинара, особенно когда они не соглашались с нами. Нам бы также хотелось поблагодарить Марджори Холм, Леннона Чоя и Джоуи Нейхома за качественное материально-техническое обеспечение мероприятий.

Спасибо всем, кто прочитал черновой вариант книги. Особо хочется отметить вклад Стивена Литлчайлда, Дугласа Нортона, Мэри Шерли и Сюй Чэнгана, которые предоставили нам подробные комментарии. Спасибо и Ли Венэму, Филиппу Буту и Стивену Чунгу, прокомментировавшим отдельные главы книги. Благодарим их всех за критические замечания и предложения, позволившие внести поправки в текст. Ху Вэй оказал нам неоценимую помощь при составлении карт.

Авторы в течение нескольких лет ежемесячно встречались, чтобы сообща работать над этой книгой и над связанными с ней проектами. Они выражают благодарность Юридической школе Чикагского университета (сотрудником которой является Рональд Коуз), а также Школе глобальных исследований Чикагского университета и Школе политики и глобальных исследований при Университете штата Аризона (соответственно прошлому и настоящему местам работы Нина Вана). Вывший декан Юридической школы Чикагского университета Сол Левмор и ее нынешний декан Майкл Шилл оказали неоценимую поддержку авторам книги.

Мы также хотели бы поблагодарить всех тех, кто щедро делился с нами информацией и идеями. К сожалению, мы не можем привести весь список полностью. Но есть люди, которых мы не можем не упомянуть, – это Александр и Ли Венэм, Линда и Стивен Чунг, Цзинь Лэй, Лян Сяовэй, Дэвид Пикас, Ричарда Сэндор, Гуанчжэнь Сунь, Сяо Гэн, Уильям Сяо, Сюн Цзялун, Оюй Лянъин, Ван Тяньфу, Чжан Вэйин, Чжао Динсинь, Чжоу Цижэнь, Чжоу Вэйбин и Чжу Сицин.

Предисловие

Выступая в июле 2008 года в Чикаго на Конференции по рыночным преобразованиям в Китае, Стивен Чунг назвал переход КНР от коммунистической системы к капитализму «величайшей программой экономических реформ в истории человечества» (Cheung 2008: 2)¹. Чунг, несомненно, прав в своих выводах; но не менее выдающимся является тот факт, что череда событий, приведших Китай к капитализму, никем не планировалась, а итоги реформ оказались полной неожиданностью для всех. Возможно, еще более необычным обстоятельством во всей этой истории стало то, что переходом к капитализму руководила Коммунистическая партия Китая. Это поразительный пример того, что Фридрих Август фон Хайек назвал «непреднамеренными последствиями человеческих действий» (Hayek 1967, гл. 6).

В 1982 году лондонский Институт экономических проблем опубликовал брошюру Стивена Чунга «Станет ли Китай капиталистическим?» – с положительным ответом на поставленный вопрос (Cheung [1982] 1986). Выводы Чунга были восприняты с явным недоверием практически всеми экспертами, хотя автор проявил осторожность, заявив, что «переход к капитализму случится не скоро» (Ibid... 19). Почему он так думал, вполне понятно. В результате многолетней идеологической обработки, осуществлявшейся коммунистами, у китайского народа выработалось негативное представление о том, как работает капиталистическая система. Кроме того, указывает Чунг, движение в сторону капитализма, скорее всего, будет встречать сопротивление со стороны армии и правительственных чиновников, опасющихся за свои места. Монография была переиздана четыре года спустя, в 1986-м, и тогда Чунг признал, что «недооценивал скорость перемен» (Cheung [1982] 1986: 66), отметив, однако, что «экономическая перестройка в Китае может продолжиться, но только гораздо менее высокими темпами, чем в последние пять лет» (Ibid., 79). В действительности же перемены шли по-прежнему быстро. Воздействие коммунистических идей на сознание простых китайцев оказалось не таким существенным, а сопротивление армии и правительственной бюрократии – не настолько сильным, как представлялось Чунгу. Китай стал капиталистическим за относительно короткий период времени². В этой книге мы описываем череду событий, приведших Китай к такому итогу.

Недостаточная изученность столь сложного предмета не позволила нам исследовать все аспекты этой потрясающей человеческой драмы. До сих пор мы многого не знаем о рыночных преобразованиях в Китае. Более того, многие из приведенных нами фактов оказались недостоверны. По мере появления новых сведений некоторые детали придется пересматривать. Однако в целом нарисованная нами картина ясна и едва ли подвергнется изменениям.

Работа над этим совместным проектом проходила следующим образом. Нин Ван находил информацию о событиях в Китае и их толкования. Потом авторы обсуждали значение этих событий в контексте избранной темы, исправляли ошибки и повторно взвешивали аргументы. Окончательный продукт – результат тесного сотрудничества.

Предложенные выводы основаны на информации, собранной по крупицам, в интервью и других многочисленных источниках на китайском и английском языках (эти материалы ука-

¹ Брошюра издана как на китайском, так и на английском языках (Cheung 2009).

² Наша книга озаглавлена так потому, что мы задумали ее как продолжение работы Стивена Чунга (Cheung [1982] 1986). Термины «капиталистический» и «капитализм», по всей видимости, вызовут споры. Китай сохраняет верность социалистическим идеям и говорит о «социалистической рыночной экономике с китайской спецификой». Некоторые читатели в Китае могут возмутиться тем, как звучит название книги. Западные читатели также могут поставить под сомнение наш выбор, исходя из того, что в КНР у власти по-прежнему находится Коммунистическая партия. Тем не менее за последние 30 лет Китай превратился из отсталой страны, запрещающей рынок и частное предпринимательство, в динамично развивающееся государство, в экономике которого преобладают рыночные силы и процветает частный бизнес. Наша книга объясняет, как это произошло.

заны в разделах «Примечания» и «Литература»). Наша интерпретация полученной информации может отличаться от трактовок, встречающихся в других работах; налицо различия точек зрения на ряд важнейших моментов. Чтобы не перегружать повествование, мы редко использовали прямые цитаты из посвященных данному вопросу книг, число которых не только значительно, но и продолжает расти. Далее – наш рассказ о том, как Китай превратился в капиталистическую страну.

Глава 1

Смерть Мао

9 сентября 1976 года умер Мао Цзэдун, основатель Китайской Народной Республики и председатель Коммунистической партии Китая с 1943 года. В то время страна переживала разгар «культурной революции», которую Мао начал десятилетием ранее³. Она была задумана как первая в череде революций, ведущих к обновлению социализма, избавлению его от буржуазных пороков и бюрократической косности⁴. «Культурной революции» предшествовал ряд жестких социально-политических кампаний, развернутых с целью приблизить наступление социалистического рая в Китае. Мао верил, что, невзирая на бедность, Китай совершит «большой скачок вперед» и пойдет «золотой дорогой» коммунизма при одном условии – если его граждане, сплоченные общей идеей и общим делом, направят все свои таланты, всю свою энергию на достижение единой цели⁵. Бескорыстному не знавшему частной собственности китайскому народу предстояло переродиться. Отбросив бремя истории и феодализма, с одной стороны, а с другой – презрев материальные интересы и капиталистические приманки, нация должна была откликнуться на зов социализма и слышать только его. Но глубоко ошибочная идеология и непродуманные революции привели страну не к раю, а к массовому голоду – самому страшному в истории человечества. Более того, ее жители утратили связь с культурными корнями и последними достижениями прогресса⁶. Предприимчивые китайцы быстро превратились в безликие шестеренки социалистической машины.

Это, возможно, не укладывается в сознании, но грандиозные достижения Мао по своим масштабам не уступают бедствиям, которые он навлек на китайский народ. «В конечном счете, – пишет журнал *The Economist*, – Мао следует признать одним из величайших деятелей в истории человечества. Он разработал стратегию аграрной революции, которая позволила Коммунистической партии Китая захватить власть, опираясь на поддержку крестьянства вопреки учению Маркса. Под его руководством феодальный Китай, разрушенный войной и обескровленный коррупцией, превратился в единое эгалитарное государство, в котором никто не голодал. Мао возродил национальную гордость и веру в то, что, по его словам, Китай сможет

³ «Культурная революция» была последней и самой устрашающей попыткой Мао Цзэдуна превратить Китай в социалистическую державу. Как многие другие катастрофы, вызванные государственной политикой, «культурная революция» остается болезненной темой для китайских властей, и связанные с ней архивы до сих пор не рассекречены и недоступны для большинства исследователей. В качестве литературы по теме см., например: Wang Shanyi 1989; Esherick, Kickowicz, Walder 2006; MacFarquhar, Schoenhals 2006; Gruo Dehong, Wang Haiguang, Han Gang 2009 III. В большинстве исторических исследований, к сожалению, не приводятся свидетельства жертв «культурной революции», число которых, по самым осторожным оценкам, составило 1 миллион 70 тысяч человек, (см.: Chen Tung-fa 2001: 846). Ван Юинь предпринял смелую попытку восполнить этот пробел, опросив 659 жертв (Wang Touqin 2004). Среди его предшественников следует отметить Фэн Цицая (Feng Jicai 1990). Уолдер предлагает новую точку зрения на самый кровавый и жестокий период (1966–1968) «культурной революции» (Walder 2009).

⁴ Вопрос о том, почему Мао Цзэдун инициировал «культурную революцию», когда Китай еще не успел оправиться от катастрофы «большого скачка», остается открытым. Очевидно, что огромную роль тут сыграла борьба за власть, тем более что Мао испытывал возрастающее недовольство в отношении Лю Шаоци, который стал председателем Китая в 1959 году. Однако официальное оправдание «культурной революции» необходимостью сохранить социализм придало этой политической кампании особый идеологический накал и тем самым сделало ее беспрецедентной в истории Китая. Кроме того, тот факт, что Мао до конца своих дней верил в благотворность «культурной революции», противоречит мнению о борьбе за власть как о главном мотиве «великого кормчего».

⁵ Выражение «золотая дорога» стало популярным благодаря писателю Жань Хао: так назывался его четырехтомный роман о построении социализма в китайской деревне.

⁶ Среди недавних исследований «великого голода» во времена Мао Цзэдуна следует особо отметить труды: Tang Jisheng 2008; Dikötter 2010. Во время «культурной революции» антитрадиционализм и антиинтеллектуализм достигли своего апогея; китайские университеты были закрыты, большинство книг запрещены или сожжены. Об истоках антитрадиционализма в современном Китае читайте в работе: Lin Tu-sheng 1979.

„встать на ноги" и стать вровень с величайшими державами»⁷. The Economist серьезно ошибся насчет голода, но так или иначе революция, во главе которой стоял Мао, оказала огромное влияние не только на Китай, но и на весь мир. Ричард Никсон, возобновивший в 1972 году дипломатические отношения Соединенных Штатов с КНР, отзывался о Мао как об «уникальном представителе поколения великих революционеров»⁸. Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто, последний из иностранных государственных деятелей, кто видел Мао, назвал его «сыном революции, самым ее духом, ритмом и воплощением революционной романтики, главным архитектором нового порядка, потрясшего мир своим великолепием». «Такие люди, как Мао, рождаются раз в столетие», – сказал Бхутто⁹.

Мао оставил неоднозначное наследие. После его смерти Китай развивался без стратегического плана, не имея понятия о конечной цели. Никто и не представлял, что спустя три десятилетия Китайская Народная Республика подойдет к своей 60-й годовщине как мощная рыночная экономика. Чтобы понять, какой путь проделал Китай и как он добился столь невероятных перемен, необходимо вернуться к отправной точке – КНР при Мао Цзэдуэ.

Успех рыночных реформ после смерти Мао поражает воображение – особенно если учесть, что попытки перестроить социалистическое хозяйство предпринимались в Китае еще при жизни «великого кормчего». В 1958 году Мао собственноручно дал старт смелой кампании по децентрализации экономики и политической системы страны (Wu Jinglian 2005: 46–49; Hu Angang 2008: 244–253). Но решительные попытки Мао уйти от сталинской модели закончились катастрофой «большого скачка» (1958–1961). После краткой передышки и выхода из кризиса в начале 1960-х Мао начал «культурную революцию» (1966–1976), в ходе которой он вновь попытался децентрализовать и экономику, и политическую структуру (Hu Angang 2008: 512–515). Обе попытки провалились.

Китайское правительство рассматривало реформы как продолжение великих начинаний Мао Цзэдуэ. 28 марта 1985 года во время встречи с делегацией Либерально-демократической партии Японии Дэн Сяопин впервые назвал экономические реформы в Китае «второй революцией»¹⁰ (первая – та, что осуществлялась под руководством Мао и привела к созданию Китайской Народной Республики). Дэн Сяопин, которого часто называют «архитектором экономических реформ в Китае», позже неоднократно возвращался к этому определению, пока оно не стало частью официальной терминологии, описывающей преобразования в экономике в постмаоистский период. Возможно, отзываясь о реформах как о «второй революции», Дэн Сяопин тем самым признавал, что первая революция потерпела неудачу – хотя она и объединила Китай, долгие века раздираемый войнами и смутами. Но если вторая революция продолжала дело Мао, что именно он не успел завершить? И что ему помешало? В чем видел Дэн Сяопин недостатки первой революции и какие ошибки он хотел исправить?

⁷ Mao is Dead // The Economist. 1976. September 11.

⁸ New York Times. 1976. September 10. Sect. 1. P. 17.

⁹ World News Digest. 1976. September 11. Доступ через LexisNexis.

¹⁰ «Reform is China's Second Revolution» [«Реформа – это вторая китайская революция»] (Deng Xiaoping 1975–1992 III). Определение найдено в названии книги Хардинга (Harding 1987).

1

Когда 1 октября 1949 года, выступая на площади Тяньаньмынь, Мао Цзэдун со свойственным ему хунаньским акцентом произнес слова о том, что китайский народ сумел «встать на ноги», всю нацию захлестнули восторг и энтузиазм. Прославленный литературный критик и поэт Ху Фэн, незадолго до того вернувшийся из Гонконга, воспел этот исторический момент¹¹, написав поэму «Пришло время» из четырех тысяч строк с лишним. После затянувшегося насильственного и постыдного падения династии Цин в 1911 году, после десятилетий разрушительных войн между милитаристами, после страшной японской оккупации, продолжавшейся восемь лет, и кровавой трехлетней гражданской войны Китай наконец стал единым и независимым государством.

Его народ, измученный вековой смутой и военными конфликтами, мечтал о мире, о лучшей доле.

Но стремление к миру и благоденствию заставило Китай ступить на опасный путь. Как и многие другие страны, обретшие независимость после Второй мировой войны, Китай подпал под влияние социализма, идеи которого в ту пору витали в воздухе. Коммунистическая партия Китая (КПК) исповедовала коммунистическую идеологию с 1921 года, когда она была основана при поддержке Коммунистического интернационала с центральным руководством в Москве¹². Однако для КПК отношения с Советским Союзом всегда были палкой о двух концах¹³.

Изначально Москва оказывала предпочтение Китайской национальной партии («Китайский Гоминьдан»), которая превосходила по численности Коммунистическую и возникла раньше ее, будучи основана Сунь Ятсеном в 1919 году как революционная организация. Москва призывала китайских «единоверцев» примкнуть к Гоминьдану, а возглавлявшаяся Сунем партия охотно принимала коммунистов в свои ряды. Но 12 марта 1925 года Оунь Ятсен умер, и его преемник Чан Кайши усомнился в том, что Гоминьдану следует налаживать сотрудничество с Коммунистической партией. Менее чем за два года до описываемых событий Чан Кайши провел в Москве три месяца, изучая советскую систему. Он встречался с Л.Д. Троцким и другими советскими государственными деятелями и в результате пришел к выводу, что советская модель его стране не подходит¹⁴. В 1927 году, укрепляя власть в Гоминьдане, он начал борьбу с коммунистами. Спустя год было учреждено Национальное правительство в Нанкине, что вынудило Коммунистическую партию уйти в подполье. Москва посоветовала коммунистам взяться за организацию массовых выступлений в китайских горо-

¹¹ Первая часть этой объемной поэмы, «Ода к радости», была опубликована в газете «Жэньминь Жибао» (People's Daily, 1949. November 20).

¹² О ранней истории Коммунистической партии Китая, в том числе о влиянии Коммунистического интернационала (Коминтерна), см.: Bianco 1971; Dirlík 1989; Pantsov 2000; Smith 2000. Кроме того, см. тома «Истории КПК» под редакцией Первого отдела Центра по изучению истории Коммунистической партии Китая (1997), а также: Chen Tung-fa 2001. Документальные свидетельства можно найти в работе: Saich 1996, а также в «Истории КПК» под редакцией Первого отдела Центра по изучению истории Коммунистической партии Китая за 2001 год.

¹³ Коммунистическая партия Китая в первые годы своего существования финансировалась Коммунистическим интернационалом; но ее это не устраивало, поскольку Коминтерн пытался диктовать свою волю. Отношения между КПК и Коминтерном были дополнительно осложнены присутствием Гоминьдана. О «треугольнике» Москва-КПК-Гоминьдан см.: Garver 1988; Heinzig 2004; Tang Kuisong 1999.

¹⁴ Трехмесячный визит Чан Кайши в СССР в 1923 году сыграл огромную роль в приходе Гоминьдана к власти, хотя Чану не удалось выполнить основную миссию – получить у Москвы прямую военную помощь. Отношение Чан Кайши к советскому опыту на тот момент было двойственным. Но он, в отличие от Сунь Ятсена, питал гораздо меньше оптимизма по поводу сотрудничества с Коммунистической партией Китая и Советским Союзом. Из недавно опубликованной литературы о визите Чан Кайши в Москву можно порекомендовать: Wang Rongzhu, Li Ao 2004: 92–94; Tang Tianshi 2008: 95–145; Pakula 2009: 122–124; Taylor 2009: 41–45; Xing Heming 2009: 12–25. В своих воспоминаниях Чан Кайши рисует себя более страстным критиком коммунизма, чем он, по всей видимости, являлся на самом деле (Chiang Kaishek 1956).

дах – в соответствии с учением Маркса и большевистской практикой. Однако эта стратегия оказалась равносильна самоубийству, поскольку города в Китае охранялись правительственными войсками. КПК выжила в отдельных «советских» – находившихся под контролем коммунистических вооруженных формирований – районах далеко в горах, куда не могла проникнуть Национально-революционная армия. В октябре 1934 года войска коммунистов потеряли один из крупнейших, дольше всех продержавшихся районов в провинции Цзянси. Командовал ими Отто Браун (известный Ли Дэ) – военный советник, направленный в Китай Исполкомом Коминтерна и занявший руководящую должность в КПК¹⁵. Оставшиеся в живых коммунисты вынуждены были отступить. Целый год они продвигались с юга на север – через тщательно охранявшиеся гоминьдановцами области, через территории, которыми управляли враждебные этнические меньшинства или милитаристы, через горы, снега и зыбкие травяные болота, куда редко ступала нога человека. Когда в октябре 1935-го они дошли до провинции Шэньси, Мао Цзэдун быстро окрестил поход «Великим»¹⁶. Год спустя к войску под командованием Мао присоединились еще две части Красной армии. Вслед за этим коммунисты заняли Яньань – старинный обветшалый город на севере Шэньси – и превратили его в свой административный центр. Яньань стал символом надежды для многих прогрессивно мыслящих китайских студентов и западных интеллектуалов, сочувствовавших коммунистическим идеям. Яньань оставался столицей китайской революции до 1948 года¹⁷.

Именно во время Великого похода – в январе 1935 года после совещания в городе Цзуньи – Мао Цзэдун возглавил Коммунистическую партию Китая, потеснив Отто Брауна, проигравшего сражение Гоминьдану. Хотя Мао стал вождем КПК, советскому руководству он никогда не нравился. Так, Сталин называл его «пещерным марксистом»¹⁸, поскольку в Яньане коммунисты жили в пещерах.

С Великого похода началось перерождение Коммунистической партии Китая в собственно китайскую партию, независимую от Москвы¹⁹. Мао Цзэдун редко бросал прямой вызов СССР, однако с его выдвижением Коминтерн больше не мог диктовать КПК, что ей делать. Во время Великого похода Красная армия потеряла более 90 % состава, но выжившие бойцы были преданы делу коммунизма, исполнены решимости и настроены на победу; позже они станут верными солдатами революции²⁰. Кроме того, на севере Китая коммунистам было гораздо легче найти сторонников. Если до Великого похода им приходилось сражаться в отдаленных, малонаселенных горных районах на юге страны, то после марша, уже на севере, коммунисты, успешно конкурируя с соратниками Чан Кайши, расширили свою политическую базу. Они вели пропаганду среди населения и с легкостью пополняли свои ряды. Близость границы позволяла наладить связь с советскими коммунистами и заручиться их поддержкой. К тому же на севере действовали милитаристы, а значит, правительственные войска не играли здесь доминирующей роли. Но главное, вторжение Японии в Китай заставило правительство Чан Кайши перейти в оборону, а позже – бежать из Нанкина, так что коммунисты получили возможность усилить свои военные и политические позиции. После капитуляции Японии в 1945 году Чан Кайши обнаружил, что бывший соперник окреп и гораздо лучше прежнего готов к гражданской

¹⁵ Отто Браун рассказал о своей работе в качестве агента Коминтерна в Китае (Braun 1982).

¹⁶ «On tactics against Japanese imperialism» [«О тактике борьбы с японским империализмом»], доклад Мао Цзэдуна на совещании партийного актива 27 декабря 1935 года (Mao Zedong 1967–1977 I: 179).

¹⁷ Западные читатели знают о Яньане по книге Эдгара Сноу, которая выдержала несколько изданий и была дополнена новыми главами (Snow 1937).

¹⁸ Сложные отношения между Сталиным и Мао, особенно презрительное отношение советского вождя к китайскому на ранних этапах, нашли отражение в ряде источников. См.: Radchenko 2009: 5; Tang Kuisong 1999.

¹⁹ Из последних исследований, посвященных «великому походу коммунистов», можно порекомендовать Sun Shuyun 2006.

²⁰ В качестве авторитетной работы, посвященной консолидации власти в руках Мао Цзэдуна в период Яньаня, см.: Gao Hua 2000. Из ранних исследований влияния яньаньского опыта на Коммунистическую партию Китая см.: Seiden 1971; Seiden 1995; Chen Tungfa 1990.

войне, которая не заставила себя ждать. Гоминьдановское правительство было поражено коррупцией, армия утратила боевой дух, экономика находилась в плачевном состоянии, и через три года Чан Кайши потерпел окончательное поражение и бежал на Тайвань, оставив материковую часть Мао Цзэдуну

Отношения между Коммунистической партией Китая и Москвой не менялись вплоть до создания Китайской Народной Республики в 1949 году. После этого Сталин уже не мог ни игнорировать Мао Цзэдуна, ни вбивать к собственной выгоде клин между китайскими коммунистами и Гоминьданом. Не прошло и двух месяцев с момента образования КНР, как Мао поспешил отправиться в свою первую заграничную поездку. В середине декабря 1949 года он прибыл в Москву²¹. Там, в первый и последний раз в жизни, Мао встретился со Сталиным – человеком, который еще недавно не желал признавать в нем главу КПК, предпочитая работать с Чан Кайши. Предчувствуя скорое окончание гражданской войны, понимая, что экономика лежит в руинах, а международное сообщество настроено недружелюбно, Мао Цзэдун стремился обрести политического и военного союзника²². Ради этого он и приехал в Москву, однако принимающая сторона встретила его без особого энтузиазма. Хотя во время первой встречи с Мао Сталин сделал жест примирения, китайский лидер провел в Москве два месяца, пытаясь убедить советское руководство установить дипломатические отношения с Пекином. В конце концов Сталин смягчился, и 14 февраля 1950 года стороны заключили Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Мао Цзэдун вернулся в Китай, торжествуя. Возможно, он еще не осознал, что в обмен на договор ему предстоит копировать опыт сталинизма, от влияния которого он будет пытаться освободиться до конца жизни.

Тем не менее за первые три года своего существования (1949–1952) Китайская Народная Республика быстро восстановила порядок, опираясь на дисциплинированных, сознательных чиновников и сильную смешанную экономику. Китай переживал период стремительного экономического подъема, несмотря на спровоцировавшую всплеск ненависти и насилия аграрную реформу, в ходе которой новые власти усиленно разжигали классовую борьбу в деревне. Однако дальнейшему восстановлению экономики препятствовала коммунистическая доктрина – неизбежное следствие того, что КПК играла ведущую роль в революции, породившей Китайскую Народную Республику. Китай продвигался по пути социализма, и за первую пятилетку (1953–1957), план которой был разработан по советскому образцу и выполнен с помощью Москвы, руководство страны узнало на практике, как, обладая полнотой централизованной власти, можно мобилизовать ресурсы и добиться быстрого роста экономики²³. Однако коллективизация привязала крестьян к земле, а рабочих – к коммунам, разом покончив с расцветом свободного предпринимательства в городах и сельской местности. В последующие годы фатальные недостатки плановой экономики – отсутствие стимулов и безынициативность на низших ступенях социальной пирамиды, нехватка информации и неподотчетность обществу на высших – усугубились неизбежными ошибками в управлении новой всеобъемлющей социальной системой, а также завистью и соперничеством в борьбе за власть как в самом Китае, так и на международной арене.

Самое печальное, что слепое следование иностранной теории превратило последнюю в окаменелую догму, которую китайское руководство принимало безоговорочно как панацею от

²¹ О первом визите Мао в Москву и о его встрече со Сталиным рассказал С. Радченко (Radchenko 2009: 3–9). Из китайских источников см.: Pang Xianzhi, Jin Chongji 2003: 28–58.

²² До сих пор невозможно понять, почему Мао, бывший отличным стратегом и оригинальным мыслителем, вдруг избрал для Китая внешнюю политику, которую сам же и назвал «односторонним уклоном». Именно этот неверный шаг постепенно привел Китай к опасному курсу (военному конфликту с Соединенными Штатами на Корейском полуострове, экономической и политической изоляции от Запада, насаждению социализма).

²³ Главной составляющей частью первой китайской пятилетки были так называемые «156 объектов» — 156 промышленных предприятий, создававшихся при поддержке советских технологий и кредитов и ставших «краеугольным камнем» промышленного развития Китая (об этом говорится, например, в работе: Dong Zhikai, Wu Jiang 2004).

всех бед. Даже такой своевольный и независимый политик, как Мао Цзэдун, попался в эту ловушку, поверив, что коммунизм – единственный способ даровать Китаю мир и процветание. Безусловная приверженность коммунизму, а в более поздний период – самоидентификация с ним постепенно превратили Коммунистическую партию Китая из проводника идеологии в ее заложницу. В то же время коммунизм переродился из средства достижения благоденствия в высшую, не подлежащую обсуждению цель²⁴. Это двойное самоотчуждение затянуло КПК вместе со всем китайским народом в темный тоннель закрытой идеологической системы. Только после смерти Мао Цзэдуна Коммунистическая партия, выбросившая за борт все китайские традиции в стремлении приобщиться к марксизму, вновь обратилась к конфуцианскому прагматизму с его практикой поиска истины в фактах.

Как гласит китайская пословица, тощий верблюд все равно больше лошади. Ни трагедия «большого скачка», в результате которой миллионы китайских крестьян умерли от голода, ни катастрофа «культурной революции» не смогли полностью разрушить заложенную при Мао экономическую инфраструктуру. Эта инфраструктура и стала основой для реформ после смерти «великого кормчего».

В академической среде продолжают споры о том, как оценивать достижения Китая в области экономики во времена Мао Цзэдуна²⁵. Принято считать, что экономические реформы в Китае стали возможны благодаря полному отказу от наследия Мао. Один автор даже назвал их «великим поворотом назад» (Hinton 1990). К чести ревизионистов, они выявили скрытую или не принимаемую во внимание преемственность между экономикой времен Мао и дальнейшими реформами. Этот подход позволил по достоинству оценить успехи китайской экономики в годы председательства Мао (см., например: Meisner 1999; Hu Angang 2008; Bramall 2009). Тем не менее существует огромный разрыв между реальными достижениями и тем, что Мао обещал рабочим и крестьянам в случае победы социализма. Когда Мао Цзэдун лежал на смертном одре, размышляя о судьбе «культурной революции» и о возможном преемнике, высокий моральный дух китайского общества ослаб, присущие ему динамизм и бурлящая энергия стали угасать, ясное видение социализма померкло. Хотя подавляющее большинство китайцев, казалось, смирились с бездеятельностью и впали в апатию, в глубине души они чувствовали разочарование. Китайцы не могли самостоятельно сформулировать новые идеи, но готовы были прислушаться к тем, кто их предложит. Л думаящие люди – среди правящего класса и не только – все чаще задавались вопросом: «Если это не тот Китай, за который мы сражались вместе с нашими соратниками, то каким он должен быть?»

²⁴ Не совсем понятно, как и когда коммунизм превратился из средства в абсолютную цель. О том, как Мао решил ввести в Китае сталинизм, см.: Li Huaui 2006.

²⁵ Объем литературы, посвященной Китаю во времена правления Мао Цзэдуна, огромен и продолжает расти, отчасти благодаря признанию того факта, что Китай после Мао нельзя отделить от Китая при Мао. Удобной отправной точкой здесь служат два последних тома «Кембриджской истории Китая» (MacFarquhar, Fairbank 1987; MacFarquhar, Fairbank 1991). Лучшие работы, посвященные этой теме: Meisner 1999; Cray 1990; Cray 2006. Врэмолл описывает политэкономiku Китая с 1949 года, в равной мере уделяя внимание годам правления Мао и последовавшему за его смертью периоду (Bramall 2009). Нотон достаточно подробно останавливается на эпохе Мао Цзэдуна, хотя в центре внимания автора находится период экономических реформ (Naughton 2007). Из более ранних трудов можно предложить работу: Riskin 1987. Из китайской литературы по см. трехтомник о маоистском Китае в 1949–1976 годах (Lin Tunhui, Fan Shouxin, Zhang Cong 1989), а также: Cong Jin 1989; Wang Шапуи 1989. Всеобъемлющий подход демонстрируют авторы десяти томника по истории КНР (1949–1981), опубликованного Китайским университетом Гонконга. Кроме того, первые три тома пяти томника «Zhongguo Renmin Gongheguo Zhuanti Shi Cao» [«Систематическая история Китайской Народной Республики»] (Sichuan People's Press, 2004), предлагают взвешенный анализ основных событий эпохи Мао Цзэдуна. Исторические аспекты экономики Китая во времена правления Мао рассмотрены в книгах: Sun Jian 1992; Wu Li 1999; Su Shaozhi 2002; Hu Angang 2008. Наиболее всеобъемлющий анализ приводится в пяти томнике под редакцией Чжао Дэсинь (Zhao Dexin 1988–1999). См. также критический анализ экономики эпохи Мао в работе: Wang Mng 2008.

2

Удивительной особенностью социализма – как преимуществом, так и (при дурном управлении) роковым недостатком – по иронии является изначально присущий ему антипопулизм. Если демократическое государство вынуждено прислушиваться к среднему избирателю, то социалистическое правительство, напротив, порой игнорирует интересы большинства и даже вредит им, часто оправдывая свои действия громкими, но пустыми лозунгами. Свой классический труд «Экономическая теория контроля» (1944), написанный в защиту социалистической экономики, Абба Лернер начал с утверждения: «Основополагающая цель социализма заключается не в отмене частной собственности, а, скорее, в расширении границ демократии» (Lerner 1944: 1). Китайский социализм во времена Мао не отвечал этому определению. Крупнейшим социальным классом в КНР было крестьянство, составлявшее в ту пору более 80 % населения. Однако именно крестьяне больше всех пострадали от коллективизации. В 1953 году Китай перешел на систему централизованных заготовок сельскохозяйственной продукции, что позволило правительству субсидировать индустриализацию²⁶. Введение системы хукоу (регистрации домохозяйств) в 1958 году в значительной степени ограничило мобильность населения и в первую очередь миграцию из деревни в город²⁷. Обе эти меры сильно ударили по крестьянству. Единственной популистской программой Коммунистической партии Китая стала кратковременная аграрная реформа (1947–1952), в ходе которой земли, конфискованные у богатых помещиков, передавались бедным крестьянам в обмен на политическую поддержку нового режима²⁸. Тем не менее практически сразу же после завершения аграрной реформы правительство приступило к процессу коллективизации. Крестьяне потеряли свои земли: их наделы отошли сначала сельским кооперативам, а затем коммунам. В 1956 году Мао радостно заговорил о «приливной волне социализма в китайской деревне»²⁹. Однако во времена «большого скачка» от голода умерли от 30 до 40 миллионов китайцев – в основном в сельской местности. Хотя в последующие годы сельское хозяйство страны представляло собой более упорядоченную картину благодаря системе коммун, одно оставалось неизменным – повсеместный голод. Как заметил Ян Цзипэн, старший корреспондент государственного информационного агентства «Оиньхуа», с тех пор как в Китае ввели централизованную заготовку зерна, большинство крестьян «никогда не ели досыта» (Tang Jisheng 1998: 17). В результате различных социально-экономических кампаний с явным антикрестьянским уклоном две трети крестьян в 1978 году имели меньший доход, чем в 1950-х; у одной трети уровень дохода оказался даже ниже, чем в 1930-х годах перед вторжением Японии в Китай (Tang Jisheng 2004: 40).

Голодные, недовольные, но бесправные крестьяне не слишком беспокоили правительство, несмотря на их колоссальную численность. Однако в самом центре китайского общества находилась еще одна социальная группа, которая была разочарована проводимой Мао политической ничуть не меньше крестьян, а может быть, и больше. Ветераны Красной армии и старые партийцы один за другим становились жертвами «чисток» в ходе многочисленных политиче-

²⁶ Об истоках этой политики можно прочесть в книгах: Walker 1984; Bo Tibo 1997: 180–199; Lin Tunhui 2009: 90–116.

²⁷ Система регистрации домохозяйств в Китае – один из немногих институтов, переживших 30 лет реформ. См.: Cheng Tiejun, Seiden 1994; Wang Fei-ling 2005.

²⁸ Хотя земельную реформу в Китае пытались и пытаются выдать за успех, она подала дурной пример применения грубой силы и нагнетания ненависти в государственной политике под видом классовой борьбы. Ло Пинхань показывает, что многие самоуправные и бесчеловечные меры, принятые во время земельной реформы в отношении землевладельцев и богатых крестьян, предвосхитили ужасы «культурной революции» (Luo Pinghan 2005: 173–221). «Ненависть китайских коммунистов пополам с энтузиазмом, проявленным в поиске врагов» была названа покойным политологом Люцианом Паем главной линией в политике Мао (Pye 1992: 67). По словам Пая, «ни одна другая политическая культура не ценит так сильно эмоцию ненависти, как китайская» (Ibid.).

²⁹ Одно из последних исследований аграрной политики Мао см.: Kueh 2006.

ских кампаний. Немало опальных партийцев пострадали вследствие борьбы за власть, которую они вели с Мао Цзэдуном или с его приближенными, действовавшими от лица своего патрона в собственных интересах. Некоторые имели достаточно смелости, чтобы высказывать мнение, противоречившее позиции Мао; кто-то даже лично вступал с ним в спор; отдельные кампании, инициированные Мао, оказывались столь невероятны, что любому независимо мыслящему человеку было, по видимости, крайне сложно удержаться от заявления о своем несогласии. Поскольку терпимость не входила в круг почитаемых Мао добродетелей, а в эпоху диктатуры пролетариата и вовсе находилась под запретом, в Китае были выявлены миллионы «правых уклонистов» и «агентов капитализма».

Лю Шаоци, бывший вторым человеком в партии после Мао Цзэдуна в 1949 году и занимавший пост председателя КНР в начале «культурной революции», был заклеен как «сторонник капитализма номер один»³⁰ и не смог ничего сказать в свою защиту. «Номером два» оказался не кто иной, как Дэн Сяопин, в ту пору – генеральный секретарь Центрального комитета КПК (после смерти Мао Цзэдуна он вновь появится на политической арене, чтобы стать инициатором рыночных реформ в стране)³¹. Стоя перед толпой хунвейбинов, готовых расправиться с любыми врагами социализма, Лю Шаоци держал в руках Конституцию: он надеялся защитить свои права, но все было напрасно. Его отстранили от работы, поместили под домашний арест, а затем тайно вывезли из Пекина и бросили в тюрьму без суда и следствия. 12 ноября 1969 года Лю, лишенный какой-либо медицинской помощи, умер после очередных издевательств в тюрьме провинции Хэнань – в полном одиночестве и под чужим именем.

Чжу Жунцзи, будущего премьера Госсовета Китайской Народной Республики (1998–2003), объявили правым уклонистом и уволили из Госплана КНР в 1958 году за критику политики «большого скачка»³². В 1962-м Чжу был восстановлен в должности, чтобы в 1970 году, во время «культурной революции», снова подпасть под «чистку». Следующие пять лет он провел в ссылке в деревне и был реабилитирован только в 1978-м.

В ходе «культурной революции» погибли многие представители партийной верхушки. Шестеро из десяти китайских маршалов (высший чин в Народно-освободительной армии Китая) были убиты, в том числе Пэн Дэхуай – первый министр обороны КНР (1954–1959). Пережившие «чистки» коммунисты не хотели, чтобы страна продолжала идти политическим курсом Мао Цзэдуна. Они были свидетелями того, как рушатся внушенные идеологией надежды, а потому имели все основания отстаивать правоуклонистские, капиталистические или иные взгляды, столь резко осуждаемые и отвергаемые Мао. Они рисковали жизнью, когда вступали в Коммунистическую партию, чтобы даровать китайскому народу мир и благоденствие; когда умер Мао Цзэдун, они почувствовали, что появился шанс осуществить мечту. Китай потратил 20 лет на политические кампании и классовую борьбу, и теперь настала пора снова заняться экономикой. В один из первых своих визитов в Китай в начале 1980-х годов Стивен Чунг встретился в Центральной партийной школе КПК в Пекине с группой правительственных чиновников. Обратившись к ним с призывом: «Вы устроили в стране настоящий бедлам. Пора наводить порядок», экономист, к своему удивлению, встретил горячее одобрение аудитории³³.

³⁰ О смерти Лю Шаоци см.: Huang Zheng 2004: 155–176.

³¹ Фогель написал тщательно документированную биографию Дэн Сяопина, подробно останавливаясь на последних 20 годах его жизни (Vogel 2010).

³² О карьере Чжу Жунцзи можно прочесть в работе: Zhou Hancheng 2003.

³³ Стивен Чунг пишет о своем визите в Пекин и встречах с китайским руководством в начале 1980-х годов (Cheung 2009: 101).

3

Ни одна другая часть общества не перенесла столько унижений и не пострадала столь сильно в период правления Мао Цзэдуна, как интеллигенция. В императорском Китае интеллигенция – в высшей степени меритократическая, но при этом открытая группа, члены которой сдавали экзамен на пригодность к государственной службе, – входила в правящий класс. Однако преданность социалистическим идеям и радикальный антитрадиционализм Коммунистической партии Китая осложнили отношения между новым правительством и наиболее образованными членами общества. Личностные особенности Мао Цзэдуна лишь усугубили проблему³⁴. Талантливый самоучка с дерзким и гордым умом, страстный любитель чтения, Мао никогда не скрывал своего недоверия к формальному образованию. В 18 лет он бросил среднюю школу и большую часть последующих шести месяцев провел в библиотеке провинции, одну за другой читая книги из самостоятельно составленного списка³⁵. В 24 года Мао перебрался в Пекин и устроился ассистентом в библиотеку Пекинского университета: он выдавал газеты и журналы в читальном зале, где работали университетские преподаватели. Любопытный библиотекарь не стеснялся задавать вопросы и пользовался малейшей возможностью поговорить с теми, кого обслуживал. Лишь немногие из его собеседников проявляли уважение к молодому человеку, с трудом изъяснявшемуся на стандартном мандаринском диалекте. Неудачный опыт общения с университетскими преподавателями оставил неприятный осадок, внушив Мао недоверие к китайским интеллектуалам и системе формального образования, которую они представляли³⁶. В зрелые годы Мао пришлось бороться за власть с Ван Мином и другими коммунистами, изучавшими марксизм в Советском Союзе, и это только усилило его презрение и неприязнь к академической науке и тем, кто ее олицетворяет, – современным интеллектуалам.

Когда была основана Китайская Народная Республика, значительная часть образованной элиты предпочла остаться на материке – не столько из-за веры в марксизм, сколько из-за разочарования в спасающемся бегством, подверженном коррупции Национальном правительстве³⁷. Некоторые китайские ученые, получившие образование на Западе, вернулись в только

³⁴ О жизни Мао, в том числе о его приходе к власти, см.: Spence 1999; Short 1999; а также официальную биографию Мао под редакцией Цзинь Чунцзи (Jin Chongji 1996) или же работу: Pang Xianzhi, Jin Chongji 2003. Рассказывая о жизни Мао, Вэй Чэнтун применяет подходы современной психологии (Wei Chengtung 1999). О нетерпимом и злопамятном характере Мао Цзэдуна многое могут рассказать его взаимоотношения с Чжан Шэньфу, его начальником в Пекинском университете и одним из создателей Коммунистической партии Китая; о жизни Чжана см.: Schwarcz 1992. См. также: Li Rui 1999; Grao Hua 2000; Wang Ruoshui 2001.

³⁵ О полной приключений студенческой мятежной жизни Мао в городе Чанша см.: Spence 1999: 16–30; Short 1999: 39–81; Jin Chongji 1996: 15–39.

³⁶ Спустя много лет Мао вспоминал об унижительном опыте работы в Пекинском университете: «Потолок в комнатке настолько низок, что люди избегали заходить ко мне. В мои обязанности входило регистрировать имена читателей, приходивших работать с газетами, но для большинства посетителей я просто не существовал. Среди них было немало видных деятелей движения возрождения. Они очень интересовали меня, я пытался заговаривать с ними на темы политики и культуры, но собеседники постоянно оказывались слишком занятыми. У них не было времени выслушивать рассуждавшего на хунаньском диалекте помощника библиотекаря» (цит. по: Short 1999: 83). Одним из этих «занятых» читателей, на которых обижался Мао, был Фу Сунь (Фу Шинянь), который навестит Мао в Яньане перед самой гражданской войной, а позже бежит на Тайвань, чтобы восстановить Национальный университет Тайваня. После 1949 года Фу был объявлен военным преступником, а надгробия на могилах его предков были разрушены (о выдающихся человеческих качествах Фу и его удивительной жизни можно прочитать в работе: Wang Fan-Sen 2000).

³⁷ Когда в 1949 году была создана Китайская Народная Республика, китайские интеллигенты разошлись во мнении о том, как относиться к коммунистическому режиму (см., например: Fu Ouoyong 2010). Некоторые уехали в Гонконг или на Тайвань, поскольку опасались, что коммунисты, вдохновившись социалистическими идеями, не допустят интеллектуальной свободы и будут преследовать традиционную китайскую культуру. Многие остались в Китае, с энтузиазмом восприняв идеи построения нового общества, но в результате стали жертвами объявленной Мао «реформы мышления» и политических кампаний; среди них были У Нинкунь (Wu Mngkun 1993) и Вэй Цзюнь (Wei Junyi 1998).

что образованную Народную Республику. В их числе был директор-основатель Лаборатории реактивного движения при Калифорнийском технологическом институте Нян Сюзэнь, впоследствии ставший отцом китайских ракетостроения и космонавтики³⁸. Тем не менее отношения между Коммунистической партией и интеллигенцией не складывались с самого начала³⁹.

На протяжении долгих веков Китай находился под влиянием конфуцианства. Образованная элита занимала господствующее, привилегированное положение⁴⁰. Ее представители – интерпретаторы и проводники конфуцианских идей – играли решающую роль в легитимации политического порядка и сохранении нравственных ориентиров в обществе. Как государственные служащие они непосредственно осуществляли политические полномочия в императорском суде, служа институциональным противовесом монаршей власти. Кроме того, образованные китайцы составляли ядро так называемой нетитулованной аристократии, которая предоставляла общественные блага и поддерживала общественный порядок в подчиненных уездах местностях, на которые не распространялась напрямую централизованная императорская власть. Однако при социализме все эти функции перешли к Коммунистической партии⁴¹.

Взяв на вооружение социализм и провозгласив его всемогущим и непогрешимым учением, Мао Цзэдун отвел интеллигенции весьма скромное место в китайском обществе. Но наладить с ней сотрудничество новое правительство пыталось с самого начала, поскольку понимало, какой значительный вклад в восстановление экономики могут внести интеллектуалы. Те же чувствовали себя ущербными и пристыженными, приветствуя Мао во главе Народно-освободительной армии в Пекине после окончания войны⁴². Рядом с освободителями многие из них остро переживали свое бессилие и вину за то, что не принимали участия в национальном освобождении и революционных боях. Это настроение они пытались преодолеть, целиком отдав себя восстановлению народного хозяйства в послевоенный период. Поэтому часто интеллектуалы слишком поспешно шли на контакт с новым правительством, отказываясь от независимых суждений. Большинство из них стали яркими приверженцами социализма. Мало кто осмеливался мыслить независимо, как Лян Шумин – китайский философ и лидер Движения аграрной реконструкции в начале XX столетия, который в 1953 году публично раскритиковал новую экономическую политику Мао⁴³. Чэнь Инькэ, один из талантливейших китайских историков XX века, придерживался принципа интеллектуальной независимости, который он замечательно определил как «мысли о свободе, дух независимости». Будучи профессором Чжуншаньского университета в Гуанчжоу, Чэнь отказался переехать в Пекин, чтобы возглавить там Институт исторических исследований при Китайской академии наук⁴⁴. Еще одним видным диссидентом был Ху Фэн, объявленный правым уклонистом еще в 1955-м – за то, что выступал за свободу творчества и независимость писательского труда от классовой идео-

³⁸ О жизни Цянь Сюзэня см.: Chang 1995.

³⁹ Сразу после образования КНР Пекин начал кампанию по «перевоспитанию» интеллектуалов и прививке им марксизма. С этого началось закрытие рынка идей в Китайской Народной Республике. Леденящие душу свидетельства очевидцев приводятся в работах: Wu Mngkun 1993; Wei Junyi 1998; Zhou Tiliang 1998; Wu Zuguang 2004; Liu Kedi 2005; Wang Rongzhu 2005.

⁴⁰ Валаж, например, считает «непрерывную преемственность правящего класса ученых-чиновников» в императорском Китае «стабильной чертой китайского общества» (Balazs 1964: 6). Цянь Му предложил новый термин для обозначения традиционной китайской политической системы – «правительство ученых». См.: Qian Mu 2001: 15; Tu Ying-shih 2004.

⁴¹ Коммунистическая партия и аппарат, сформированный из исповедующих конфуцианство ученых-чиновников, представляют собой два резко контрастирующих типа организации. Первый тип является иерархической структурой, в которой порядок диктуется сверху, в то время как второй напоминает то, что Майкл Полани называл «обществом исследователей», в котором авторитет зарабатывается в процессе совместного поиска знаний (Polanyi 1966).

⁴² Лян Шумин приводит хороший пример (Liang Shuming 2004: 139).

⁴³ О конфронтации Ляна с Мао см.: Ibid., 146–155; Alitto 1979; Liu Kedi 2005; Liang Shuming, Alitto 2009.

⁴⁴ О 20-летней борьбе Чэня за интеллектуальную независимость см.: Lu Jiandong 1995; Wang Rongzhu 2005.

логии⁴⁵. Но эти немногие смелые умы не могли серьезно помешать победному шествию социализма.

Долго копившаяся напряженность между образованной элитой и коммунистическим правительством в конце концов прорвалась наружу: партия начала борьбу с правыми уклонистами⁴⁶. К концу 1956 года на смену экономике смешанного типа пришел социализм. Отказ от частной собственности и концентрация политической власти вскоре показали, что сверхцентрализованная система управления имеет множество недостатков. Весной 1957 года Мао решил провести кампанию, направленную на выявление и устранение допущенных партией ошибок. Интеллигенцию просили поделиться критическими соображениями, а также мыслями о том, как улучшить работу партии и правительства. Но Мао оказался не готов услышать то, о чем сам спросил. Хотя большинство высказавших свое мнение хотели помочь коммунистам исправить недочеты в работе, некоторые из них ставили под вопрос легитимность власти КПК и даже лидерство Мао Цзэдуна. Оскорбленный и встревоженный, Мао обрушился на порицателей, заклеив их как правых уклонистов. Кампания по устранению недостатков в партийной работе быстро превратилась в борьбу с критиками КПК, которая имела печальные последствия как для самой партии, так и для интеллигенции. Последняя была официально объявлена «классовым врагом» коммунистического режима. В результате наиболее просвещенным представителям китайского общества, практически не занятым в производстве, было отказано в праве участвовать в построении социализма. Коммунистическая партия использовала ярлык «правый уклонист» как удобное могущественное оружие против всех, кто осмеливался отойти от официальной партийной линии или позволял себе ее критиковать. Спустя многие годы – в 1997-м – Во Ибо написал, что «за 20 лет, прошедших с начала кампании против правых уклонистов до Третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978), в Китае исчезла „кипучая политическая жизнь“, по выражению председателя Мао» (Во Тибо 1997: 438–439). Говоря более определенно, Мао был единственным человеком в КПК, кто имел право голоса и озвучивал линию партии. Иные точки зрения не допускались.

В поворотный момент истории, когда КПК из революционной партии трансформировалась в правящую и начинала строить на пепелище новый Китай, в стране была ликвидирована самая просвещенная часть общества. Вследствие этого самоубийственного шага Китай утратил связь со своими культурными корнями, а также лишился доступа к последним достижениям науки и техники. Под знаменем всеведущей идеологии социалистическое государство проникло в жизнь общества настолько глубоко, насколько это не удавалось ни одному китайскому правителю. Конфуцианский моральный кодекс и традиционный общественный порядок оказались дискредитированы, и у китайцев не осталось практически ничего, чтобы противостоять давлению со стороны государства, – ни внешних общественных факторов, ни внутренней моральной дисциплины. При этом у Коммунистической партии Китая, одержавшей множество побед, но еще очень молодой, не было времени создавать систему институциональных сдержек и противовесов. Под руководством несговорчивого и все более самоуверенного лидера КПК превращалась в неукротимого политического Франкенштейна.

⁴⁵ О трагедии Ху Фэна см.: Li Hui 2003.

⁴⁶ Борьба с «правыми уклонистами» уничтожила рынок идей в КНР: многие из тех, кто последовал призыву Мао критиковать правительство и партийную политику, оказались в тюрьме. О возникновении и последствиях этой кампании рассказывается в соответствующих главах книг: Guo Dehong, Wang Haiguang, Han Gang 2009 II; Zhu Zhen 1998; Shen Zhihua 2008. Своими личными впечатлениями поделился Шао Яньсян (Shao Tanxiang 2007). События, предшествовавшие борьбе против «правых уклонистов», хорошо известны. Невыясненным остается вопрос, передумал ли Мао в разгар движения «ста цветов и ста школ» и перешел в наступление на критиков партии (этой версии официально придерживается КПК), или же он специально инспирировал это движение, чтобы заманить в ловушку беспартийных, якобы представлявших угрозу для единовластия КПК. Тем не менее сторонники обеих точек зрения соглашаются, что борьба с «правыми уклонистами» обозначила поворотный момент в истории КНР. После коллективизации и уничтожения рынка идей Китай встал на путь трагического саморазрушения.

4

Хотя Мао покончил с идейным многообразием, монополизировав идеологическую сферу, он никогда не выступал за централизованное управление. В отличие от Ленина и Сталина, считавших централизацию государственной власти в политической и экономической сферах необходимым условием построения социализма, Мао на протяжении всей своей жизни с ней боролся. Двадцатилетний опыт партизанской войны убедил его в том, что нельзя класть все яйца в одну корзину, – независимо от того, кто присматривает за этой корзиной. Во времена восхождения к власти Коммунистическая партия Китая состояла из множества разрозненных фракций, которые в одиночку боролись за выживание, почти не пересекались друг с другом и лишь периодически связывались с Центральным комитетом. Сочетание центрального командования и местного самоуправления прекрасно себя зарекомендовало.

Даже после образования КНР Мао Цзэдун за редким исключением жил в постоянном ожидании войны. В 1950-х угроза исходила от Тайваня, который поддерживали Соединенные Штаты Америки. Однако из-за разрыва китайско-советских отношений в конце 1950-х – начале 1960-х годов Китай вместо Тайваня на юге стал опасаться гораздо более грозного противника на севере – Советского Союза. Отношения Пекина с СССР ухудшились после того, как 5 марта 1956 года⁴⁷ Н.С. Хрущев зачитал секретный доклад, в котором он разоблачил все ужасы сталинского режима и культ личности Сталина. Доклад вызвал недовольство китайского руководства, поскольку Сталина в Китае чтили как вождя мирового коммунистического движения: по всей стране его портреты висели рядом с портретами Маркса, Энгельса, Ленина и Мао. Мао вместе с другими видными китайскими коммунистами счел критику Сталина со стороны Хрущева злокозненными нападками на социализм. В последующие годы соперничество между Мао и Хрущевым в борьбе за лидерство в социалистическом лагере, различия в их взглядах на отношения капитализма и социализма, а также территориальные споры Китая и СССР привели к окончательному разрыву между Пекином и Москвой⁴⁸. Напряженность возрастала, антагонизм усиливался; кульминацией конфликта стали столкновения на северо-восточной границе Китая в 1969-м.

Едва ли не постоянное ощущение угрозы иностранного вторжения оказало большое влияние на внутреннюю экономическую политику Китая времен Мао. Ежечасная готовность к боевым действиям отвечала мировоззрению Мао Цзэдуна, сформировавшемуся в военное время. Она стала мощным сдерживающим фактором централизации. Если в ленинском понимании экономика представляла собой одну большую корпорацию, Мао воспринимал ее как множество самостоятельных более или менее однородных единиц. Для Мао коммуна была ячейкой общества, максимально приближенной к идеалу. Каждая коммуна выполняла весь комплекс экономических и социальных функций, будучи одновременно и сельскохозяйственным кооперативом, и производственным объединением, и военной бригадой – с детским садом, школой, а также с больницей, где пациентов принимали босоногие доктора. Коммуны существовали независимо друг от друга, горизонтальные связи между ними практически отсутствовали. Таким образом, при Мао Китай не имел социальной экономики, то есть национальной экономики как интегрированной, взаимосвязанной системы, управляемой рынком и/или центральным правительством.

⁴⁷ На самом деле Н.С. Хрущев выступил с секретным докладом «О культе личности и его последствиях» 25 февраля 1956 года. 5 марта 1956 года, в последний день XX съезда КПСС, президиум ЦК принял постановление об ознакомлении с докладом Хрущева на съезде. (Здесь и далее звездочкой отмечены примеч. ред.)

⁴⁸ О соперничестве между Мао и Н.С. Хрущевым см.: Luthi 2008; Radchenko 2009.

При Мао Цзэдуне централизация все же имела место, но очень недолго. Политико-экономическая система, утвердившаяся в результате перехода к социализму (1952–1956), была более централизованной, чем любая другая в истории Китая. Однако Мао быстро понял, насколько серьезны проблемы, связанные с централизованным управлением. В апреле 1956-го Мао выступил с докладом «О десяти важнейших взаимоотношениях», в котором указал на «крайнюю важность» гармоничных отношений между государством, производственными единицами (фабриками в городах, коммунами в деревнях) и рабочими/крестьянами, а также между центральным и местным руководством (Mao Zedong 1967–1977 V: 284–307). О последнем Мао писал:

Полагаю, будет неверным отдать все управление центральным, провинциальным или городским властям, не оставив фабрикам никаких полномочий, никакого пространства для самостоятельных действий, никаких привилегий. У нас недостаточно опыта, чтобы делить власть и доходы между центральным руководством, провинциальными или городскими органами и фабриками. Нам следует изучить этот вопрос. Что принципиально важно, централизация и автономия представляют собой единство противоположностей, поэтому нужны и централизация, и автономия (Ibid., 290).

В завершающей части доклада говорилось:

Одним словом, надо принимать во внимание не одну, а обе стороны, о чем бы, ни шла речь – о государстве и фабрике, государстве и рабочем, фабрике и рабочем, государстве и кооперативе, государстве и крестьянине, кооперативе и крестьянине. Учитывание только одной стороны, какой бы она ни была, вредит делу социализма и диктатуре пролетариата (Ibid., 291).

Рассуждая о взаимоотношениях между центральными и местными органами власти, Мао предупреждал:

Наша территория столь обширна, наше население столь многочисленно, а условия жизни столь суровы, что будет гораздо лучше, если инициатива будет исходить как от центрального правительства, так и от местных властей, а не происходить из одного источника. Мы не должны следовать примеру Советского Союза, который сконцентрировал всю власть в центре, сковав местные органы по рукам и ногам и лишив их права действовать самостоятельно (Ibid., 292).

В том же докладе Мао писал:

Чтобы, построить могущественное социалистическое государство, необходимо сильное, сплоченное центральное руководство, единая система планирования и общая дисциплина для всей страны; нарушение этого единства непозволительно. В то же время следует в полную силу задействовать инициативу местных органов власти, чтобы каждый из них смог раскрыть свою индивидуальность, порожденную местными условиями (Ibid., 294).

В конце доклада Мао пишет о проблемах централизации на всех уровнях административной иерархии, не ограничиваясь центральным правительством:

Нейтральные органы власти должны позаботиться, о том, чтобы, предоставить провинциям и городам возможность проявить инициативу; последние в свою очередь должны так же поступить с округами, уездами,

районами и волостями; ни в коем случае нельзя надевать смиренную рубашку на низшие органы власти. Разумеется, товарищи, работающие на низших уровнях властной иерархии, должны быть проинформированы о том, где нужна, централизация; они не вправе поступать так, как им заблагорассудится. Одним словом, централизация должна, внедряться по мере возможности и, в силу необходимости, в противном случае она недопустима. Провинции, города, округа, уезды, районы и волости должны, сохранять независимость и бороться за свои права. Борьба за них – в интересах всей нации, а не отдельного населенного пункта; эту борьбу нельзя считать проявлением местничества или неуместными притязаниями на независимость (Ibid.).

Глубокое недоверие к централизованной власти заставило Мао предпринять первую попытку реформировать экономику, вследствие которой Китай отошел от ортодоксальной модели социализма, сложившейся при Сталине. Предложение о реформе прозвучало на Третьем пленуме ЦК КПК 8-го созыва в октябре 1957 года, осуществить ее надлежало в 1958-м (Wu Jinglian 2005: 43–57; Bo Tibo 1997: 548–565). Основным пунктом реформы было перераспределение власти в пользу органов местного управления. В результате местные власти получили больше автономии в планировании экономики, распределении ресурсов, бюджетной и налоговой политике, управлении кадрами. Кроме того, им поручили руководить большинством государственных предприятий. Около 88 % государственных компаний, подчиняющихся центральным министерствам и ведомствам, было передано органам местного управления (Hu Angang 2008: 250).

Меры по децентрализации дали неожиданный эффект: Мао получил возможность обращаться к провинциальным органам власти напрямую, минуя бюрократов в столичных министерствах. Местные власти в Шанхае, Ойчуани и Хубэе оказались особо восприимчивы к идеям и политике «великого кормчего». В то же время органы местного управления, получив право самостоятельно распоряжаться экономикой на местах, лишь в незначительной степени несли ответственность за последствия принятых ими решений. Притом что Мао призывал к скорейшему развитию экономики, местные власти получили хорошие возможности для «большого скачка вперед».

5

В ретроспективе «большой скачок» предстает как рукотворная трагедия⁴⁹, которая отнюдь не грянула как гром среди ясного неба. За редким исключением (в качестве примера можно привести Чэнь Юня) китайские руководители, особенно в первое время, не в меньшей степени, чем Мао, зажглись идеей «большого скачка» (Во Тибо 1997: 478–510). Мао был страстным реформатором и неустрашимым генералом, и предложенный им курс обрел многочисленных сторонников и значительную – сверх ожидания – поддержку среди управленцев, получивших должности в результате проведенной «великим кормчим» децентрализации.

Китайское руководство, и в первую очередь Мао, с радостным удивлением наблюдало за успехами экономики после образования КНР. Мао и его соратники видели, как быстро восстанавливается народное хозяйство и как плавно страна переходит к социализму – вопреки участию в Корейской войне и полному отсутствию опыта в сфере экономического управления. Успех придал им смелости; излишняя самонадеянность подтолкнула к выводу о том, что единственная преграда на пути к дальнейшим достижениям – это скудость воображения. 27 августа 1958 года People's Daily [«Жэньминь Жибао»] опубликовала статью «Земля отдаст столько зерна, сколько мы осмелимся взять». Заголовок быстро превратился в популярный лозунг; его использовали по всему Китаю, чтобы мотивировать крестьян, как будто не было страшного закона об изъятии у них добавочного продукта⁵⁰.

Крестьян призывали совершить прыжок в коммунизм. О завершении коллективизации китайское руководство сочло, что коммунистическая утопия близка к воплощению, осталось только убедить в этом крестьянство. Сельские кооперативы постепенно уступили место коммунаам, способным, как считалось, обеспечить быстрый переход к коммунизму. У крестьянских хозяйств изымали все имущество и передавали в общее пользование. В 1958 году повсюду в Китае стали появляться общественные столовые – блестящая идея, имевшая самые пагубные последствия (Luo Pinghan 2001). Эти столовые должны были сэкономить крестьянам время на обработку земли и облегчить координацию сельскохозяйственных работ, однако их провозгласили прообразом коммунизма. Зерно больше не распределяли по домохозяйствам, а передавали все запасы в общественные столовые, где крестьянам разрешали есть в любое время и столько, сколько хочется. Неудивительно, что селяне объедались, словно в последний раз в жизни. Пусть ненадолго, общественная столовая стала для китайских крестьян символом коммунистического рая.

Привлекательность коммунизма и уверенность в его экономическом потенциале во многом подкреплялись тем, что осенью 1958-го местные власти прибегали к припискам, отчитываясь перед Пекином о собранном урожае (Ibid., 61–65). В условиях децентрализации управления и при отсутствии должного контроля местные администрации наперегонки фабриковали фальшивые отчеты. Одна за другой они рапортовали о рекордных урожаях зерна. 18 сентября 1958 года «Жэньминь Жибао» сообщила, что средний урожай зерновых с одного му земли (660 кв. м) в провинции Гуанси составил 65 тысяч килограммов (реалистичная оценка – менее 500 килограммов)⁵¹. Во всех органах власти на местах знали правду, но мало кто решался нарушить «традицию». Чиновники считали, что докладывать Пекину надо ровно то, что там

⁴⁹ Многие исследователи считают «большой скачок» первым серьезным провалом государственной политики при Мао Цзэдуне. В последнее время этот период привлекает повышенное внимание. Журнал China Economic Review посвятил целый номер «великому голоду» во время «большого скачка» (1998. Vol. 9. № 2). Более полную информацию см.: Tang Jisheng 2008; Dikötter 2010. Популярную версию событий можно найти в работе: Becker 1998. Тэкстон приводит последние данные о том, как проходил «большой скачок» в сельской местности в провинции Хэнань (Thaxton 2008).

⁵⁰ People's Daily. 1958. August 27.

⁵¹ Ibid. September 18.

хотели услышать. Они боялись разочаровать столичные власти, чтобы не лишиться постов, – особенно после кампании против правых уклонистов. К тому времени эта компания уже уничтожила большую часть партийцев, способных выступить с критикой «большого скачка».

Вдобавок ко всему прочему все газеты и средства массовой информации находились под строгим контролем государства, а потому несогласные – если таковые еще оставались – не имели шанса высказаться. В то же время ввиду отсутствия независимых источников информации китайцы привыкли верить всему, что передавали подконтрольные государству СМИ. 16 июня 1958 года самый знаменитый и наиболее авторитетный китайский ученый Цянь Оюэсэнь опубликовал в газете *China Youth* («Чжунго Цинняньбао») статью, в которой говорилось, что теоретически с одного му земли можно снимать до 25 тысяч килограммов риса или пшеницы, поскольку растения усваивают 30 % получаемой ими солнечной энергии⁵². Статья особо не обсуждалась, и Мао Цзэдун воспринял ее как теоретическое доказательство целесообразности «большого скачка» в сельском хозяйстве.

Строго контролируемые СМИ замалчивали иные точки зрения, так что Пекин пал жертвой собственного вмешательства в дела печати. Министерство сельского хозяйства, наивно принимая на веру поступающие с мест сообщения о необычайно высоких урожаях, выступило с прогнозом, согласно которому производство зерновых в 1958 году должно было повыситься почти на 70 %. Мао Цзэдун вместе с другими представителями центрального аппарата поверил, что пора задуматься о хранении и реализации избытков зерна (Sun Jian 1992: 244). Неудивительно, что в 1958 году у крестьян изъяли больше зерна, чем раньше, а в 1959-м – еще больше. Экспорт зерновых вырос с 1,93 миллиона тонн в 1957 году до 2,66 миллиона в 1958-м, 4,16 миллиона в 1959-м и 2,65 миллиона в 1960-м – прежде чем в 1961 году Китай перешел к импорту. В 1959 году Мао объявил, что производство зерновых в Китае достигло 375 миллионов тонн, однако в действительности было собрано около 170 миллионов (Ibid.). Как это ни абсурдно, Китай агрессивно наращивал экспорт зерна в то самое время, когда миллионы крестьян умирали от голода.

Еще одним трагическим обстоятельством стало движение за повсеместную выплавку стали в кустарных доменных печах – пожалуй, самое памятное начинание эпохи «большого скачка», которое привело к резкому сокращению производства зерновых, а следовательно, к росту смертности в пораженных голодом местностях. В ноябре 1957 года Мао отправился в Москву во второй и последний раз, чтобы принять участие в празднованиях, посвященных 40-летию Великой Октябрьской революции. Лидеры всех социалистических стран с огромным почтением относились к Мао – самому старшему, самому харизматичному из коммунистических вождей. Даже официальный хозяин торжества, Н.О. Хрущев, которого нельзя было упрекнуть в излишней скромности, демонстрировал уважение к китайскому гостю. Однако Мао стеснялся и даже стыдился отсталости китайской экономики, ее аграрного характера. Китай был бы политическим гигантом, если бы с экономической точки зрения не оставался карликом. Требовалось предпринять срочные шаги, чтобы экономика страны дотянулась до ее политического статуса. В те времена уровень производства стали считали надежным показателем индустриализации. И после того как Хрущев заявил, что через 15 лет ОООР обгонит Соединенные Штаты по выплавке стали, Мао возвестил в своей речи, что через 15 лет Китай будет производить больше стали, чем Великобритания – вторая по величине капиталистическая экономика (Bo Tibo 1997: 466–489; Lin Tunhui 2008: 12).

Оверхамбициозные планы не соответствовали уровню развития производственных мощностей в Китае. Когда выяснилось, что имеющиеся доменные печи не справляются с планом, весь Китай был брошен на «борьбу за сталь». Фабричные рабочие, школьные учителя, полеводческие бригады в деревне – все превратились в сталеваров. Даже в страду крестьяне пла-

⁵² *China Youth*. 1958. June 16.

вили сталь в дворовых доменных печах, пока зерно гнило на полях. Немудрено, что по большей части эта сталь оказывалась непригодна для использования. Но главное в том, что кустарное производство стали привело к абсолютно неверному использованию рабочей силы. В недавнем исследовании говорится, что отвлечение ресурсов от земледелия стало основной причиной сокращения производства зерновых в 1958–1961 годах (Li Wei, Dennis Tao Tang 2005).

Получив первые сообщения о голоде в провинции Хэнань, убоявшиеся наказания местные власти сделали все возможное, чтобы скрыть этот факт, – и упустили момент, когда еще можно было попытаться исправить ситуацию. К тому же прикрепленные к земле крестьяне не могли уйти из деревни, даже если им угрожала голодная смерть. Массовый исход сельского населения был бы воспринят как свидетельство некомпетентности местных органов власти. Кроме того, ликвидация частной торговли означала невозможность поставок зерна в районы, которые особенно остро в нем нуждались. Если бы действовал свободный рынок, частные предприниматели покупали бы зерно в наименее пострадавших районах, где цены оставались низкими, и продавали бы его в пораженных голодом местностях по более высокой цене – ситуация, которую можно описать словами Адама Омиа, отца-основателя современной экономической науки: «В обширной земледельческой стране, между различными частями которой существует свободная торговля и сообщение, недостаток хлеба, порожденный самым сильным неурожаем, никогда не может быть так значителен, чтобы вызвать голод» (Smith [1776~ 1976, кн. IV: 33]). Ни одно правительство не смогло бы победить голод в условиях запрета на свободное перемещение людей, запасов зерна и на свободный обмен информацией. Поскольку местные власти больше стремились следовать инструкциям из Пекина, чем обеспечивать реальные успехи на подведомственных территориях, китайские крестьяне были обречены.

Тем не менее, если бы децентрализация не уничтожила связи между местными и столичными властями, «большой скачок» не привел бы к столь трагическим последствиям. По этой причине децентрализацию управления следует считать прискорбной ошибкой. Катастрофические последствия «большого скачка вперед» и в связи с этим децентрализации отбросили экономику назад, к централизованному планированию, позволившему по крайней мере восстановить порядок. К середине 1960-х экономика возобновила рост. Накопленный опыт убедил многих партийцев (особенно Чэнь Юня и Дэна Сяопина, которым предстояло возглавить экономические реформы в конце 1970-х – середине 1990-х годов), что плановая экономика – нечто священное и непреложное.

Однако некоторые структурные недостатки в китайской экономике наблюдались еще до централизации 1958 года; возможно, без них не было бы «большого скачка», а счет погибшим от голода не шел бы на миллионы. Эти недостатки – антирыночная ментальность, строгий контроль над внутренней миграцией, монополия государства на средства массовой информации и радикальный антиинтеллектуализм. Ни один из них не имеет ничего общего с децентрализацией. К сожалению, дискуссии о политике «большого скачка» – сначала в партийных, а затем и в академических кругах – во многом отражали разногласия между Мао Цзэдуном и Лю Шаоци: Мао считал, что трагедия «большого скачка» в основном (на 70 %) обусловлена природными катаклизмами (засухой) и в меньшей степени (на 30 %) – допущенными ошибками, в то время как Лю утверждал обратное⁵³. Доступная на тот момент информация свидетельствовала в пользу того, что катастрофа произошла по вине человека; позже это было подтверждено с помощью количественных исследований. Опор с Мао Цзэдуном не остался безнаказанным для Лю Шаоци: во время «культурной революции» он подвергся жестоким преследованиям. Досадным последствием полемики стало слишком узкое понимание проблемы:

⁵³ На так называемом «собрании семи тысяч участников» (11 января – 7 февраля 1962 года) Лю озвучил свою точку зрения о причинах «великого голода» во время «большого скачка». Несогласие Лю с официальной версией и подразумеваемая критика в адрес Мао сделали его одним из главных объектов нападков во времена «культурной революции». См., например: Cong Jin 1989: 299; Zhang Shuhua 2006: 277–288.

в центре внимания исследователей оказалась личная ответственность руководителей, а не структурные недостатки, укоренившиеся в социалистической системе по причине изначально неверного курса. В результате возвращение к централизации и пятилеткам лишь закрепило многие факторы, обусловившие «большой скачок» и значительно усугубившие последовавшие за ним бедствия.

Не каждый режим переживет такую колоссальную, ужасную и бессмысленную катастрофу, какой стал «большой скачок». Мао Цзэдуну с товарищами следовало благодарить крестьян за то, что они не подняли восстания, а дали вождям второй шанс. Сквозь призму времени «большой скачок» предстает неким «звоночком», предупреждением китайскому правительству: властям следовало полностью пересмотреть всю политическую, экономическую и социальную систему ради того, чтобы смерть миллионов крестьян не была напрасной и трагедия не повторилась. К сожалению, децентрализация управления оказалась удобной мишенью для критики. Провал политики «большого скачка» пригодился оппонентам Мао разве что для оправдания централизованного управления и восхваления плановой экономики. Таким образом, китайское правительство упустило возможность проанализировать ошибки и извлечь из них урок.

Военный опыт Мао сильно повлиял на его экономическую политику после 1949 года. Однако китайский лидер так и не осознал, что во время войны каждый базовый район сам отвечал за последствия своих действий. Серьезная ошибка могла запросто стоить (и часто стоила) жизни. Эти суровые ограничения не распространялись на губернаторов и представителей власти субпровинциального уровня даже после децентрализации. Местные власти редко лишались должностей из-за неумелого управления экономикой. Более того, строгий контроль за средствами массовой информации и коммуникациями внутри правительства исключал возможность того, чтобы местные власти выражали несогласие с принятыми в Пекине решениями, не говоря уже о сколько-нибудь серьезном протесте. Проведенная Мао децентрализация не предусматривала истинного местного самоуправления: Мао не видел в нем необходимости. Совершив быстрый переход к социализму, столь отличный от затяжной и кровавой коллективизации, проведенной Сталиным, Мао уверовал, что нашел благословенную «золотую дорогу» к коммунизму. Все, что требовалось от местных администраций, – это демонстрировать энтузиазм и готовность подчиняться приказам. Когда утопическое видение померкло, расплачиваться за ошибки властей пришлось крестьянам.

Трагедия «большого скачка» показала, что разница между командной и рыночной экономикой отражает глубинные различия в мышлении и мироощущении. Рыночная экономика возможна только тогда, когда никто не претендует на всеведение. Как утверждает Фридрих Хайек (важность этого тезиса еще предстоит осознать), главное преимущество рыночной экономики состоит не столько в эффективности распределения ресурсов, сколько в свободном распространении информации (Науек 1937). Однако свободный обмен информацией не имеет особого смысла и может показаться невыгодным, если проблему, которую он помогает решить, не хотят признавать. Рыночная экономика предполагает две эпистемологические установки: на осознание собственного незнания и на умение переносить неопределенность. Самонадеянный Мао и победоносная КПК не смогли принять ни одну из них – даже после катастрофы «большого скачка».

6

В начале 1960-х годов, отказавшись от политики «большого скачка», Китай восстановил общественный порядок и вернулся к экономическому росту – чтобы снова распространиться с ними в 1966 году, когда Мао Цзэдун начал «культурную революцию». Сложный комплекс причин, побудивших Мао инициировать «культурную революцию», подробным образом изучен во множестве посвященных этому вопросу исследований, число которых продолжает расти⁵⁴. Очевидно, что Мао с его инстинктивной нелюбовью к централизованному управлению не мог долго мириться с возвращением к плановой экономике. Главной целью «культурной революции» было устранить правящую бюрократию, которая, по мнению Мао, пеклась исключительно о своих интересах, и дать возможность народу участвовать в управлении страной. Поскольку к рыночным принципам Мао относился с еще большим подозрением и никогда не признавал верховенство права, он не понимал, что нападки на централизованное управление в обществе, лишенном местной автономии и законов, неизбежно приведут не к подлинной демократии, а к хаосу. Китайская экономика на долгие годы попала в замкнутый круг, в котором централизация и застой чередовались с децентрализацией и хаосом.

Внутрипартийная политика Мао Цзэдуна и разработанная им теория нескончаемой классовой борьбы с неизбежностью привели к тому, что в идеологическом плане «культурная революция» была даже более радикальной, чем «большой скачок». Чтобы сохранить чистоту социализма, защитить его от буржуазного влияния, с одной стороны, и феодальной порчи, с другой, «красных охранников» (хунвейбинов) – в большинстве своем учеников старших классов и студентов – подстрекали истреблять все институты и объекты культуры, унаследованные от прошлого. Компартия объявила войну «четырем пережиткам» – старому мышлению, старой культуре, старым обычаям и старым нравам. В результате храмы были разрушены, книги и картины сожжены, культурные реликвии уничтожены. Во второй половине 1960-х годов единственными книгами, доступными для жителей Китая, являлись собрания сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и Мао, а также отдельные произведения, одобренные правительством и призванные продемонстрировать победу социализма. Все прочие книги были запрещены, библиотеки закрыты. Учителя и профессора – особенно те, кто побывал за рубежом, – претерпевали унижения и издевательства, многие из них умирали или кончали жизнь самоубийством. Серьезно пострадала система образования, академическая наука превратилась в объект насмешек и пародий. Массы подхватили лозунг «Знание бесполезно». Образованная элита по большей части подверглась репрессиям, многих интеллектуалов бросили в тюрьму за правый уклонизм; знание стало смертельно опасным достоянием. Внешнеэкономические связи с Японией и западными странами были разорваны, и китайская экономика потеряла доступ к передовым технологиям. Варварское уничтожение культурного наследия Китая – как материального, так и духовного – явилось, возможно, самой парадоксальной, самой трагической особенностью «культурной революции». Радикальный антитрадиционализм, крайние проявления культурного самоотрицания и самоуничтожения, доходящего ни много ни мало до тотальной деконтаизации, кажется, не имеют аналогов в мировой истории. Начиная с первых десятилетий XX века, когда Китай чувствовал себя беззащитным перед растущей экономической, военной и культурной мощью Запада, китайская интеллигенция все чаще критиковала национальное культурное наследие. Однако критика в адрес китайской культуры компенсировалась тем, что интеллигенция была глубоко к ней привязана эмоционально. Выросшие при социализме хунвейбины по большей части не питали ни уважения, ни, тем более, привязанности к собственным культурным традициям. Под прикрытием революционных лозунгов юные бунтари развя-

⁵⁴ См., например, исследования, перечисленные в примеч. 1.

зали террор по всей стране, став смертоносным оружием против существующей политической системы и культурного порядка. Главными жертвами были видные партийцы и интеллектуальная элита.

Поглощенный мыслями о классовой борьбе – непрерывной войне с затаившимися врагами социализма, – Мао поставил экономику в зависимость от радикальной политики. Подчинение экономики политике во время «культурной революции» повлекло за собой новый раунд децентрализации управления народным хозяйством: «великий кормчий» объявил войну центральному государственному аппарату (Wii Li 1999: 650–658). Децентрализация экономики, возможно, стала важнейшим, хотя далеко не всеми признанным фактором, позволившим уберечь экономику от хаоса «культурной революции». Несмотря на то что Китай сотрясали вооруженные стычки и погромы, экономика пострадала не так сильно, как в эпоху «большого скачка». За исключением первых трех лет «культурной революции», отмеченных экономическим спадом, объем производства по темпам роста обгонял численность населения – даже в 1969–1972 годах, когда коэффициент рождаемости достиг максимального значения. Однако из-за продолжающейся неразвитости потребительского сектора экономика по-прежнему росла только за счет государственных инвестиционных программ и условия жизни большинства китайцев не изменялись или даже ухудшались. Устав от низкого уровня жизни, перенаселения и бесконечных призывов к классовой борьбе, все большее число людей теряло веру и задавалось вопросом: «Неужели это тот социализм, за который мы боролись?»

«Культурная революция» нанесла огромный ущерб Коммунистической партии и государственному аппарату. Если во времена «большого скачка» политическая элита не подвергалась гонениям, в эпоху «культурной революции» ветераны компартии оказались в самом центре политической борьбы. Политическая структура общества и государственный аппарат были сильно ослаблены. Жестко структурированный централизованный госаппарат, сформированный из дисциплинированных и безропотных чиновников, – отличительная черта эпохи сталинизма, – несомненно, не входит в наследие, оставленное Мао Цзэдуном своим преемникам. Экономика Китая оставалась социалистической: свободный рынок и частная собственность были запрещены. Но централизованное планирование характеризует ее в гораздо меньшей степени, чем предполагает слово «социализм».

На Западе китайский социализм воспринимался – и, возможно, до сих пор воспринимается – как более или менее точный аналог системы, существовавшей в Советском Союзе. Поскольку в годы правления Мао Цзэдуна Китай был отрезан от остального мира, о жизни китайцев в те времена известно крайне мало. Внешний мир вынужден был судить о Китае по социалистическому ярлыку, а не по реальным фактам. Китай рассматривался сквозь призму сталинизма, в этом и состоит причина недопонимания.

Необходимо отметить, что, хотя ответственность за децентрализацию китайской политико-экономической системы лежит непосредственно на Мао, свою роль в этом процессе сыграли и другие факторы – не столь явные, но не менее важные. Территория Китая настолько велика, что централизация в этой стране в любом случае непростая задача. Старинная китайская поговорка гласит: «Небо высоко, император далеко». Следовательно, необходима хотя бы некоторая степень автономии на местах. Исторически сложилось так, что конфликт между централизацией управления (которая в китайской литературе называется «цзюньсянь») и децентрализацией («фэнцзянь») занимал умы китайских правителей с того самого момента, как император Цинь Шихуанди объединил страну в 221 году до н. э.⁵⁵ Хотя императорский Китай прославился своими инновациями в сфере управления (централизованный бюрократический

⁵⁵ О напряженных взаимоотношениях между двумя конкурирующими политическими системами в истории Китая – цзюньсянь и фэнцзянь – можно прочитать в работе: Qian Mu 2005: 1-37, 38–56; Schrecker 2004, гл. 1 и 2. Об истоках и развитии системы фэнцзянь см.: Feng Tianyu 2006.

аппарат формировался из лиц, сдавших экзамены на пригодность к госслужбе), наряду с централизацией всегда существовала децентрализация. Возможно, централизация является наиболее известным аспектом традиционной политики Китая, и все же политическая система держалась на поиске равновесия между двумя разнонаправленными силами – централизацией и децентрализацией, – как между Инь и Ян в философии тайцзи.

Хотя под руководством Мао Китаю удалось практически с нуля создать мощную промышленную базу, итоговые экономические показатели внушали уныние. Но нищая страна и едва работающая экономическая система не единственное, что Мао Цзэдун оставил после себя, – его политика вызвала недовольство огромного количества людей, и большинство из них жаждало перемен. Под конец правления Мао Китай оставался страной с раздробленным обществом, фрагментированной экономикой, невнятной и сумбурной политикой – страной, едва плетущейся по пути, который некогда казался «золотой дорогой» к социализму. С окончанием эры Мао Цзэдуна китайцы должны были открыть новую страницу в своей истории.

Глава 2

Переходный период

Сразу после смерти Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 года в Китае началась ожесточенная борьба за власть, исход которой было невозможно предугадать⁵⁶. О одной стороны в этом противостоянии участвовала группировка, которая сложилась вокруг Хуа Гофэна, назначенного Мао на должность первого заместителя председателя ЦК КПК и исполнявшего обязанности премьера Госсовета с февраля 1976 года после смерти Чжоу Эньлая. О другой— «банда четырех», в которую входили вдова Мао Цзян Цин и три ее ставленника из Шанхая, поднявшиеся на самую верхушку партийной иерархии во время «культурной революции». Вдобавок ко всему партия раскололась по идеологической линии. Упомянутые выше группировки объединяло то, что они поддерживали «культурную революцию» и были многим ей обязаны. Их противниками были высокопоставленные кадровые работники и ветераны войны, сплотившиеся вокруг маршала Е Цзяньина, в том числе Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и Ху Яобан. Все они выступали против «культурной революции» либо участвовали в ней против воли. Перед смертью Мао Цзэдун опасался, что передача власти будет сопряжена с волнениями, и тревожился о судьбе «культурной революции», которую считал одним из величайших своих достижений наряду с победами над Чан Кайши и Национальным правительством (Spence 1999: 178).

11 сентября, спустя два дня после смерти Мао Цзэдуна, Хуа Гофэн решил на смелый шаг. Он сообщил Ли Ояньняню, занимавшему пост вице-премьера по экономике, о намерении арестовать «банду четырех» и попросил Ли как можно скорее связаться с Е Цзяньином. В то время Е Цзяньин был заместителем председателя ЦК КПК, заместителем председателя Центрального военного совета и министром обороны. 13 сентября Ли Ояньнянь тайно навестил Е Цзяньина и передал ему срочное сообщение от Хуа Гофэна. Маршал Е давно не одобрял действий «банды», а потому с радостью согласился на предложение Хуа Гофэна. 26 сентября при активном участии Е Цзяньина был разработан план свержения «банды четырех». Спустя десять дней – 6 октября— «банду четырех» арестовали без единого выстрела. Сразу после этого Хуа Гофэн консолидировал власть в своих руках, заняв при поддержке ветеранов партии пост председателя КПК. Первая в истории КНР передача власти прошла гораздо спокойнее, чем думал Мао, хотя и не без драматизма⁵⁷.

⁵⁶ О борьбе за власть между Хуа Гофэном и «бандой четырех», а также об идеологических различиях между ними, с одной стороны, и Дэн Сяопином и его единомышленниками, с другой, см.: Xie Chuntao 2008; Cheng Zhongyuan, Wang Tuxiang, Li Zhenghua 2008; Liu Jie, Xu Lushan 2009; Xiao Donglian 2008; Tang Jisheng 1998, гл. 2).

⁵⁷ Об аресте «банды четырех» и важной роли, которую сыграл в его организации Хуа Гофэн, см.: Ji Xichen 2000; Zhang Censheng 2004; Chen Dongling 2004: 567–592; Shi Tun, Li Danhui 2008: 668–707; Han Gang 2011.

1

В решающий для КНР момент Хуа Гофэн сумел избежать изнурительной борьбы за лидерство, которая могла погубить нацию. К его чести, Хуа смог объединить вокруг себя разнородные силы (по крайней мере на какое-то время), чтобы свергнуть «банду четырех» и заполнить вакуум власти, образовавшийся после смерти Мао Цзэдуна. Более того, за недолгое время пребывания у власти Хуа Гофэн добился того, чтобы Китай переключился с радикальной маоистской идеологии и классовой борьбы на модернизацию социализма. Но Хуа оказался перед политической дилеммой. С одной стороны, он был предан идеям социализма, вместе со всем китайским руководством сохраняя идеологическую верность Мао Цзэдуну. Неэффективность социализма и плачевные результаты начатых Мао Цзедунем экономических реформ не сказались на идеологической легитимности социализма и на культе личности Мао. Даже после смерти «великий кормчий» оставался вождем как для политической элиты, так и для простых китайцев. Арест членов «банды четырех» был легитимирован обвинениями их в предательстве Мао Цзэдуна, а также прозорливостью самого Мао, который в 1975 году назначил первым вице-премьером Хуа Гофэна в обход Ван Хунвэня, входившего в «банду». Таким образом, правление Хуа Гофэна обрело законный статус лишь постольку, поскольку он следовал учению Мао. С другой стороны, Хуа понимал, что некоторые аспекты политики Мао пора пересматривать и в первую очередь это касается все еще не завершившейся «культурной революции» и принятого Мао в 1975 году решения снова лишить постов Дэн Сяопина за нежелание поддержать эту кампанию. Политическая отвага Дэна, осмелившегося возразить Мао Цзэдуну, и его успешная деятельность на посту вице-премьера КНР в 1974–1975 годах помогли ему завоевать доверие многих ветеранов компартии и заручиться поддержкой широких масс. Обе группы с надеждой взирали на него как на возможного лидера постмаоистского Китая.

Оказавшись на идеологическом распутье, Хуа Гофэн сформировал новый культ личности в надежде закрепить за собой статус законного наследника Мао Цзэдуна. Однако это отвратило от него Е Цзяньина и других ветеранов партии, в поддержке которых он так нуждался. Ветераны, ставшие жертвами внутрипартийных «чисток», осуждали Мао за гордыню, полагая, что именно она была главной причиной «культурной революции» и других злополучных кампаний, последовавших за победой над правыми уклонистами. Когда в конце 1978 года к власти вернулись Дэн Сяопин и Чэнь Юнь – единственные члены Постоянного комитета политбюро ЦК КПК, пережившие «культурную революцию», – у Хуа Гофэна практически не осталось шанса удержаться на посту, поскольку в Китае власть передавалась по старшинству. Пришлось освободить место для двух протеже Дэн Сяопина: в 1980 году Хуа уступил полномочия премьера Чжао Цзяню, а в 1981-м председателем ЦК КПК вместо него стал Ху Яобан. Хуа подвергли критике – вполне заслуженной – за неспособность ослабить (не говоря уже о том, чтобы уничтожить) власть идеологии, со времен Мао душившую всякую свободную мысль и исключавшую творчество. Впоследствии преемники Хуа обнаружат, что с влиянием идеологии бороться гораздо труднее, чем им представлялось вначале.

Тем не менее Хуа Гофэн быстро принял меры для того, чтобы Китай начал движение вперед. С «культурной революцией» было покончено сразу же после ареста «банды четырех», хотя Хуа Гофэн не захотел или не смог развенчать «последнюю революцию Мао» (MacFarquhar, Schoenhals 2006), как позже ее назовут историки. Во время процесса против «банды четырех», обвиняемой в правом уклонизме и буржуазных привычках, Хуа Гофэн провозгласил примат экономики над идеологией. Уже в декабре 1976-го, впервые выступая на публике в качестве

нового лидера страны, Хуа подчеркнул, что приоритетной задачей китайского правительства является развитие экономики и повышение уровня жизни⁵⁸.

Что касается тактики, Хуа Гофэн следовал старинному китайскому обычаю: каждый новый император приводит с собой своих придворных. Хуа быстро назначил на ключевые посты проверенных людей, чтобы обеспечить реализацию нового политического курса. Так, в марте 1977-го заместителем директора Центральной партийной школы был назначен Ху Яобан (директором был Хуа Гофэн); в октябре того же года должность главного редактора «Жэньминь Жибао» получил Ху Цзивэй (во время «культурной революции» оба стали жертвами «чистки»⁵⁹). В середине декабря 1977 года Ху Яобан возглавил могущественный Организационный отдел ЦК КПК, отвечавший за назначения внутри партии и госаппарата. Сразу после назначения Ху Яобан начал смелую кампанию по реабилитации членов партии и госслужащих, незаконно репрессированных в годы «культурной революции», а также различных «правых уклонистов», «сторонников капиталистического пути» и «врагов социализма», которые подверглись гонениям во времена Мао: погибшим воздавали почести, выживших восстанавливали на работе (см., например: Dai Huang 1998). К 1982 году было реабилитировано более 3 миллионов граждан КНР, многие бывшие «сторонники капиталистического пути» и «правые уклонисты» вернулись в правительство. Это привело к массовым кадровым перестановкам в центральных и провинциальных органах власти (Tang Jisheng 1998: 164–165). Из 201 члена Центрального комитета КПК 11-го созыва (август 1977 года) более половины были отправлены в отставку следующим Всекитайским съездом КПК (в сентябре 1982-го). О 1977 по 1980 год были заменены все губернаторы, кроме трех. Среди нового поколения руководства провинциального уровня следует отметить Жэнь Чжунъи из провинции Гуандун и Сян Наня из провинции Фуцзянь – проводников экономических реформ, которые первыми опробовали рыночную модель в начале 1980-х годов.

⁵⁸ Придя к власти, Хуа Гофэн неоднократно подчеркивал, что главной целью является «развитие производительных сил». См., например: Cheng Zhongyuan, Wang Tuxiang, Li Zhenghua 2008: 72–75.

⁵⁹ О том, как Хуа Гофэн назначил Ху Яобана и Ху Цзивэя, см. соответственно: Ma Mei 2005: 212–213 и Hu Jiwei 1997: 29–30.

2

Смена кадрового состава в 1977–1978 годах происходила одновременно со сдвигом в идеологии и политическом сознании. После смерти Мао Цзэдуна в Китае были запрещены политические кампании, призывающие отречься от наследия «великого кормчего». Если в Советском Союзе культ личности Сталина был развенчан уже вскоре после его смерти, в Китае покойный Мао продолжал пользоваться огромным уважением и его учение по-прежнему воспринималось как истина в последней инстанции. Отчасти это происходило потому, что правительство решило скрыть от граждан ужасающие подробности правления Мао, оставив потомкам судить о его делах⁶⁰. Интерпретация наследия Мао стала главным вопросом в борьбе за идеологический контроль, и политические последствия не заставили себя ждать. Хуа Гофэн представлял одну сторону в этой борьбе: он хранил верность учению Мао и не позволял критиковать даже «культурную революцию». Он верил, что защита репутации «великого кормчего» обеспечит политическую преемственность и легитимность его собственной власти. Максималисты в его лагере настаивали на точном следовании всем заветам Мао, что парадоксальным образом противоречило новому политическому курсу самого Хуа Гофэна. Противоположный лагерь был по большей части представлен ветеранами партии, пострадавшими во время «культурной революции» и жаждавшими ее разоблачения. Но в целом даже они были не готовы полностью отречься от наследия Мао Цзэдуна – ни политически, ни психологически. Несмотря на это, Ху Яобан использовал Центральную партийную школу как платформу для продвижения политических реформ⁶¹

⁶⁰ Этот отрывок из «Резолюции по некоторым вопросам истории нашей партии в период после основания Китайской Народной Республики», опубликованной в 1981 году, должен был, по словам Дэн Сяопина, «подтвердить историческую роль товарища Мао Цзэдуна и объяснить необходимость придерживаться идей Мао и развивать их» (Deng Xiaoping 1975–1992 П). КПК даже не попыталась дать комплексную и правдивую оценку наследия Мао, поскольку в то время главной задачей было «сплотить партию» и «смотреть в будущее».

⁶¹ О том, какую роль сыграл Ху в реформе политической системы в начале 1980-х годов, рассказывается в следующих работах: Shen Baoxiang 1997; Cheng Zhongyuan, Wang Tuxiang, Li Zhenghua 2008: 85-121.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.